
А.А. Сычев

УДК 179.3

Экотопия и мораль

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и развития экотопии как системы представлений, ценностей и практик, способных в будущем обеспечить гармоничное сосуществование человека и природы. Рассматриваются экологические идеи в классических утопиях Нового времени, выделяются максималистские (Т. Мор, В.Ф. Одоевский, В.И. Вернадский) и минималистские (Г.Д. Торо, У. Моррис, П.А. Кропоткин) экотопии, предопределяющие основные дилеммы современной экологической этики. На примере работ О. Хаксли, Э. Калленбаха и др. проанализированы современные экотопии и показаны их отличия от классических: процессуальность, неидеальность, прикладная ориентированность, реализуемость. Показано, что реализация экотопий требует изменений в моральном сознании и предполагает добровольное принятие экологических ценностей и норм, подчиненных императиву выживания. При этом движение к экотопии является не только желательным, но жизненно необходимым для сохранения человечества.

Ключевые слова: этика, экология, утопия, экотопия, практопия, ценности, выживание.

Введение

Утопия – одно из наиболее ярких воплощений духа Нового времени. В ней нагляднее всего выражены оптимизм эпохи, убежденность в прогрессивном характере социального развития и вера в то, что история движется к своему завершению. Многие философские, художественные и идеологические идеи последних столетий, определявшие, а во многом продолжающие и сейчас определять, надежды и стремления людей – будь то «невидимая рука рынка» или мудрое государственное регулирование, просвещенная монархия или самоуправление трудящихся, возвращение в естественное состояние или общество технологического изобилия – носят утопический характер.

Являясь отображением стремления людей к лучшей жизни, утопия не только позволяет представлениям о социальном и нравственном идеале приобрести глубину и резкость, но и способствует четкому проявлению ущербности настоящего на фоне желаемого будущего. Чем разительнее этот контраст между «сегодня» и «завтра», тем острее осознается необходимость перемен: в этом смысле любая, даже наиболее оторванная от реальности, утопия обладает социаль-

но-преобразующим потенциалом. Хотя сама по себе она и не способна изменить мир, но она может формировать ценности и убеждения тех, кто на это способен: многие вдохновители и исполнители переломных событий в мировой истории были воодушевлены картинами утопического будущего.

Влиятельные образы идеального завтра, изменявшие сознание людей и подвигнувшие их на активные действия, тускнели по мере того, как терпели неудачу попытки их воплощения на практике. Опыт тоталитаризма в XX веке продемонстрировал, что обещания великого будущего способны полностью обесценить настоящее: «После Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается права на существование» [1, 328]. Крах большинства коммунистических режимов окончательно дискредитировал утопическое мышление. К концу столетия в обществе возобладало стойкое недоверие к глобальным утопическим проектам, особенно к тем, где свободу личности предлагается принести в жертву ради достижения общего блага.

Однако «преодоление утопизма до конца – задача, как кажется, нереалистическая, ибо она сама сродни тому явлению, которое собирается искоренить» [2, 21]. Оказавшись на периферии идеологического дискурса, утопия пытается приспособиться к условиям постсовременности. Руководствуясь принципом «лучшее – враг хорошего», постутопия больше не обещает всеобщего счастья, а лишь призывает к созданию условий, пригодных для нормальной жизни (таковы концепции «хорошего общества» или практопии). Она приобретает более гибкие формы, довольствуется локальными масштабами, сменяет наивность на прагматизм, признает возможность существования неразрешимых проблем и конфликтов даже в наилучшем из возможных миров. Реагируя на разочарование общества в тоталитарных проектах, постутопия все чаще апеллирует к анархическим (контркультурным, антиглобалистским и т.д.) концепциям. В целом, она пытается предложить образы будущего, свободного от тотального контроля над личностью, единой идеологии, жесткой иерархии и т.д. (примеры этому – зупсихея, феминотопия, экотопия).

В ряду постутопий на первое место сегодня выдвигается экологическая утопия. Ее контуры пока далеки от четкости: в ней переплетаются черты как классических утопий Нового времени, так и постутопий сегодняшнего дня. С одной стороны, экотопизм вполне способен претендовать на роль нового глобального метанарратива. Он представляет универсальный способ объяснения мира, опирающийся на разработанные естественно-научные и этико-философские доктрины, а также предлагающий конкретные политические страте-

гии достижения успеха. С другой стороны, он апеллирует к контр-культурной идеологии, еще не исчерпавшей социальный кредит доверия. В этом случае моральные нормы и ценности защитников окружающей среды предлагаются в качестве альтернативы господствующим ценностям антропоцентризма и безграничного потребления, ведущим к экологической катастрофе. Таким образом, экотопический проект способен заинтересовать как тех, кто ищет новую объединяющую общество глобальную идею, так и тех, кто отстаивает право индивида на несогласие с общепринятой точки зрения.

Предыстория экотопизма

Экотопия как целостная идея получила оформление во второй половине XX века, однако отдельные ее элементы обнаруживаются в «Утопии» (1516) Томаса Мора. Государственная политика на этом острове, пишет Мор, направлена на сохранение баланса между потребностями и ресурсами, необходимыми для их удовлетворения. Численность населения по этой причине законодательно поддерживается на оптимальном уровне, а используемые ресурсы восполняются (например, взамен вырубленных лесов высаживаются новые). Кроме того, в утопиях воспитывают особые моральные качества, которые способствуют сохранению изобилия: готовность ограничивать свои потребности ради общего блага, отказ от излишеств и роскоши, отсутствие страсти к накоплению, любовь к труду. Для того чтобы гармония была совершенной, она должна определять не только отношения между людьми, но и между человеком и природой. «Утопийцы полагают, – заявляет Мор, – что созерцание природы и хвала за это – дело, угодное богу» [11, 263]. Уважение к природе выражается в конкретных нормах повседневной жизни, в том числе явно опережающих свое время. Так, утопийцы считают недостойным убийство животных, которое совершается ради удовольствия, а не по необходимости (например, на охоте), а некоторые из них по идейным причинам воздерживаются от мяса или от животной пищи в целом. Впрочем, Мора больше интересуют отношения между людьми, чем между обществом и природой, поэтому экологические идеи для «Утопии» являются хотя и не случайными, но все же явно периферийными. Однако и в этих эпизодических упоминаниях можно при желании увидеть предвосхищение многих базовых положений экотопизма.

Платой за внедрение утопических идей в жизнь для Мора является подавление индивидуальной свободы ради общего блага. Иную точку зрения представляет Генри Дэвида Торо, который в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) осмысливал опыт своей жизни в изоляции от общества на лоне дикой природы [14]. Торо пытался до-

казать, что человек вполне может вести простое, свободное, самодостаточное существование, отказавшись от ценностей индустриальной цивилизации, прежде всего от стремления к неумеренному потреблению и бесконечному накоплению материальных благ. В целом, автор (вслед за киниками и Ж.-Ж. Руссо) противопоставлял природосообразную жизнь искусственной, ложной жизни цивилизованного общества, тем самым приписывая природе нормативный смысл: реализация принципа «Назад – к природе» для Торо была равнозначна возвращению человека от состояния нравственной деградации к нормальной жизни. При этом автору было важно доказать правильность этого лозунга не только в теории, но и в реальной практике. Однако сложно представить, чтобы примеру Торо могли последовать значительные массы людей. Жизнь в хижине у озера, как и в башне из слоновой кости – утопия, реализуемая только в одиночку, но одиночки не могут противостоять тенденциям промышленно ориентированного общества.

Несомненное влияние на формирование этико-утопического дискурса оказала книга английского художника и писателя Уильяма Морриса «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» (1890). Противостояние природе, характерное для Нового времени, попытки поработить ее он считает заблуждением, которое в будущем должно быть преодолено: «Не было ли это заблуждение порождено рабской жизнью, которую люди тогда вели? Жизнь, побуждавшей смотреть на все одушевленные и неодушевленные предметы, на так называемую “природу”, как на нечто отличное и отдельное от человека? Для людей, так рассуждавших, было естественно думать, что они могут поработить “природу”, раз они считали, что природа нечто находящееся вне их» [12, 266]. В противовес популярным технократическим утопиям, предрекавшим всеобщую урбанизацию, Моррис избрал источником вдохновения для изображения альтернативного будущего средневековые сельскохозяйственные общины и ремесленные цеха, а идеалом труда объявил ручную работу, сочетающую практичность с красотой. В утопии Морриса города и фабрики ликвидированы, а на их месте располагаются сады и поля. Жители занимаются кустарными ремеслами и сельским хозяйством, полностью обеспечивая себя всем необходимым. Государство и частная собственность ликвидированы, люди организованы в небольшие самоуправляемые общины, где живут по своему усмотрению, окруженные «красивыми предметами, произведениями своего труда, и природой, улучшенной, а не испорченной соприкосновением с человеком» [12, 205]. Впрочем, будущее, описанное Скиннером, представляется скорее романтической

фантазией на тему Средневековья, чем реальным движением к экологическому обществу.

В отечественной утопической традиции также можно отыскать произведения с элементами экотопии. Одним из первых опытов подобного рода является незаконченное произведение В. Ф. Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (1835). Планета будущего покрыта сетью трубопроводов, перегоняющих воздух из теплых районов в холодные: это позволяет отапливать дома, сады и даже дороги в северном полушарии. Для обогрева Камчатки приспособлены вулканы. Повсеместно для охлаждения или нагревания атмосферы используются специальные химические соединения, а направления ветра регулируются вентиляторами. Большую часть городов занимают сады, где растут небывалые гибриды плодовых и декоративных деревьев. Необходимость удовлетворения растущего населения ресурсами заставило человечество выйти в космос: «Нашли способ сообщения с Лунуно: она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая земле по причине ее огромного народонаселения» [13, 121]. Одоевский, таким образом, предполагал, что развитие науки и техники позволит решить все основные проблемы, в том числе проблемы экологического характера. Эта техноэкологическая традиция стала доминирующей в русской утопической традиции, трансформируясь соответствующим образом в философии космизма.

Та же тенденция отражена и в утопических сценах романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). Научный и технический прогресс, коллективный труд людей будущего позволил преобразовать планету: в итоге «бесплодная пустыня обратилась в плодороднейшую землю» [17, 185]. Люди живут общинами в больших строениях, стоящих среди полей, садов и рощ. Поля дают небывалые урожаи, в оранжереях растут экзотические плодовые растения, за рощами «очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, – только они и остались те же, как теперь» [17, 182].

В несколько ином ракурсе на идеал будущего смотрел философ-анархист П. А. Кропоткин. Он считал, что фундаментом морального поведения является закон взаимопомощи, имеющий биологические корни. Противопоставление человека природе, характерное для промышленной цивилизации, ведет к нравственной деградации общества. Только жизнь, организованная на началах альтруизма и солидарности, способна привести людей «к свободному общению с природой, сделать их сознательной частью великого целого и участниками в наслаждении наукой, искусством, свободным трудом и творчеством» [10, 7]. Люди в будущем должны жить в самообеспечи-

ваемых сельскохозяйственных общинах и практикующих не экстенсивный, а интенсивный путь развития. Кропоткин не отрицал значения техники и промышленности как таковых; он лишь желал, чтобы предприятия будущего были небольшими, гибкими и экологичными: «Поставьте фабрики и мастерские прямо в гуще, посреди ваших полей и садов, и работайте на них! Разумеется, не те большие предприятия, которые обрабатывают огромные массы металла, ...не те фабрики, на каких дети теряют облик детей в атмосфере индустриального ада, а те полные воздуха, гигиеничные и, следовательно, экономные рабочие залы, где обращают больше внимания на человеческую жизнь, чем на машины или сверхприбыль» [10, 194-195]. Коммунизм в интерпретации Кропоткина нельзя назвать полностью устойчивым (его проекты ресурсозатратны), но с экологической точки зрения он, конечно, выглядит предпочтительнее промышленного капитализма.

Наиболее яркое свое выражение техноэкологическая утопия нашла в учении В.И. Вернадского о ноосфере – этапе социоприродного развития, на котором разум человечества становится силой геологического, а затем и космического масштаба. В ходе исторического развития, считал Вернадский, наука должна взять на себя ответственность за регуляцию природных процессов таким образом, чтобы удовлетворить все потребности человечества. Это потребует иной социальной организации (всеобщего равенства, тесных связей между людьми) и новой этики, предполагающей не противопоставление природы и человека, а их совместную взаимовыгодную эволюцию [6]. Однако, как и многие другие утопии Нового времени, ноосферный проект по мере реализации обернулся своей противоположностью. Хотя наука и техника сегодня действительно стали геологической силой, особых успехов в регуляции природы они не достигли, а напротив – стали представлять основную угрозу ее существованию.

В художественной форме техноэкологическая утопия ярко представлена в фантастических произведениях И.А. Ефремова, прежде всего в его «Туманности Андромеды» (1957). История построения коммунизма в его описании противоречива. Люди долгое время «не думая о нерушимых законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом. Войны и неорганизованное хозяйство эры Разобщенного Мира привели к разграблению планеты. Тогда вырубали леса, сожгли накапливавшиеся сотнями миллионов лет запасы угля и нефти, загрязнили воздух углекислотой и смрадными выбросами заводов, перебили красивых и безвредных зверей... Земля была засорена, реки и берега морей загрязнены стоками нефти и химических отходов» [7, 259]. Под угрозой собственного уничтожения челове-

ство объединилось, отказалось от войн, расселило большие промышленные города, провело очистку воды, воздуха и земли. Остатки опасного радиоактивного топлива вывели на орбиту, создав искусственные «солнца» для обогрева полярных областей планеты. Всю Землю опутали каналами, а циркуляцию воды и воздуха изменили таким образом, чтобы создать стабильный и благоприятный климат. Планета превратилась в цветущий сад. Продовольственная проблема решилась путем искусственного синтеза белков на основе водорослей, одновременно позволив отказаться от убийства животных. В отличие от большинства предшественников, Ефремов не только описал технические детали будущего, но и указал на необходимость коренного изменения психологии человека. В его утопии из сознания человека (с помощью особых служб психологического контроля) были искоренены дурные наклонности [7, 442]. Если в середине XX столетия идеи Ефремова воспринимались как попытки предугадать реалии светлого завтра, то по мере того как вера в коммунистическую идеологию слабела, в романе становились все заметнее антиутопические моменты: жесткая идеологическая обработка, эмоциональная выхолощенность людей будущего, стереотипность и запрограммированность их поведения и т.д.

Таким образом, уже на этапах формирования экотопического дискурса вырисовываются две отчетливые тенденции в понимании будущего. Для того чтобы создать устойчивый баланс между растущими потребностями и ограниченным количеством ресурсов, необходимо либо максимизировать количество ресурсов (развивать технологии, синтезировать пищу, выходить за пределы планеты), либо минимизировать потребности населения (уйти в леса, организовать самообеспечиваемые коммуны, искоренить потребительские настроения). Соответственно, максималистская экотопия рисует будущее, в котором природа покорена и отрегулирована для наилучшего удовлетворения всевозрастающих потребностей человека, минималистская же призывает к освобождению человека от ложных ценностей цивилизации и его возвращению к природным истокам. При этом различные элементы могут смешиваться и комбинироваться в разных вариантах при сохранении ведущей тенденции. В целом, в соперничестве минималистской и максималистской тенденций кристаллизовались центральные дилеммы, которые сегодня поставлены перед экологической этикой: противостояние ценностей эгоцентризма и антропоцентризма, устойчивости и развития, сохранения окружающей среды и ликвидации бедности.

Становление экотопии

В XX веке промышленное развитие и научно-технический прогресс предоставили человечеству широкие возможности для воплощения утопических мечтаний прошлого в жизнь. Однако по мере их реализации стало ясно, что последствия утопий прямо противоположны ожидаемым. Н. А. Бердяев, наблюдая эти последствия, заметил: «Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения» [4, 158].

По мере того, как усиливалось разочарование в коммунизме, сциентизме, этатизме и прочих проектах лучшей жизни, утопические предвидения начали сменяться антиутопическими. Книги Е. И. Замятина «Мы» (1923), Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932), Джорджа Оруэлла «1984» (1949) представляют классические образцы жанра. Кроме того, и в классических утопиях Нового времени начали проступать не замечаемые ранее антиутопические черты.

Во второй половине XX столетия будущее приобрело еще более мрачные тона; писатели-фантасты и ученые рисовали постапокалипсические картины разрушения цивилизации после ядерной войны или экологической катастрофы, обсуждали проблему перенаселения планеты и нехватку ресурсов в будущем. Философ Г. Ионас писал об этой смене установок так: «Теперь уже не удовольствие, доставляемое познанием, но страх перед грядущим или же страх за человека становится основным мотивом мышления» [9, 29-30].

В 1960-х годах дискуссии о необходимости охраны природы вышли из научных кабинетов на публичные арены, а экологические соображения приобрели силу моральных принципов и политических аргументов. Моментом, обозначающим рождение движения в защиту окружающей среды, стал выход книги Рэйчел Карсон «Безмолвная весна» (1962). Книга, описывающая опасности применения инсектицида ДДТ, была синтезом научного трактата, публицистического памфлета и художественного произведения с элементами как утопии, так и антиутопии. В отличие от классических утопистов, Карсон идеализирует не будущее и не далекое прошлое, а прошлое недавнее: «Некогда в самом сердце Америки был городок, жизнь которого проходила в гармонии с окружающей природой». Однако по вине человека эта идиллия завершилась: «Затем нагрянула неведомая беда, и все стало меняться. Какие-то злые чары окутали землю: таинственные недуги поразили птичники; коровы и овцы заболели и умирали. На всем лежала тень смерти. Фермеры говорили об участившихся недомоганиях среди своих близких. Врачи не могли понять, откуда постоянно берутся новые болезни. Скоропостижно и необъяснимо ушли из жизни несколько человек, не только взрослых, но

и детей, которые во время игры вдруг почувствовали себя плохо и умерли в течение нескольких часов после этого. Повсюду царило странное безмолвие. Многие удивленно и обеспокоено спрашивали, куда подевались птицы. Скворечники во дворах опустели. Немногие оставшиеся пернатые умирали: они дрожали и не могли летать. Это была весна без голосов» [19, 1]. Собственно, название, которое дала книге Карсон, было предупреждением о подобном будущем.

В противовес этим пессимистичным картинам Олдос Хаксли представил роман «Остров» (1962), в котором описывается свободная и счастливая жизнь людей, стремящихся достичь гармонии с окружающей средой и развивающих свое сознание, соединяя западные и восточные духовные практики. К технике островитяне относятся избирательно: развивают ее, например, в сферах медицины и питания, но ограничивают развитие крупной промышленности. Их основная цель – «жить достойной человека, полнокровной жизнью в ладу с природой» [16, 153]. Для этого детей с самого раннего возраста знакомят с экологией, демонстрируя на разных примерах, что все живое находится во взаимосвязи. Директор школы говорит главному герою: «мы преподаем им науку о всеобщей взаимосвязи в сочетании с этикой. Взаимное равновесие, внушаем мы, – это не исключение, но правило, присущее природе, и людям следует – говоря на языке морали – подражать этому правилу. ...Будьте добры с Природой, и Природа оплатит вам добром. Вредите, губите ее – и Природа вскоре погубит вас. ... Дети, понимая, что к земле надо относиться бережно, легко переносят это на мораль. От Золотого правила по отношению к растениям, животным, земле они переходят к Золотому правилу по отношению к людям. И здесь важен следующий момент. Мораль, которую постигает ребенок, изучая факты экологии и перенося их на людей, представляет собой универсальную этику. В природе не существует ни избранного народа, ни земли обетованной, ни уникального исторического Откровения. Мораль бережного отношения ко всему не допускает ни чувства превосходства, ни особых привилегий. “Поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой”, – это правило относится к любому живому существу в любой точке нашей планеты. Мы сможем существовать на этой планете, только если будем проявлять сочувствие и понимание в обращении с природой» [16, 154].

В романе Эрнеста Калленбаха «Экотопия» (1975) сохранение природы и духовное развитие также показаны как тесно взаимосвязанные процессы. Экотопия – это государство, отделившееся от Соединенных Штатов по идейным соображениям, и пропагандирующее ценности гармонии с природой, противостоящие стремлению к мате-

риальному успеху. Сепаратисты не желали подавлять естественные чувства, дышать загрязненным воздухом, есть нездоровую пищу и участвовать в гонке потребления. Получив независимость, они отказались от форсированного промышленного развития и принципов протестантской этики, требующих интенсификации труда ради увеличения доходов. На предприятиях экотопии условия производства облегчены, а рабочая неделя сокращена. Под это подведен соответствующий философский и экологический базис: «Человечество предназначено не для производства, как утверждали в XIX и XX веках. Напротив, предназначение людей состоит в том, чтобы занять свое скромное место в единой и устойчивой сети живых организмов, причиняя этой сети как можно меньший ущерб. Это значит, что необходимо пожертвовать сегодняшним потреблением, чтобы обеспечить будущее выживание – такая цель превращается почти в религию, в чем-то близкую ранним доктринам “спасения”. Люди должны быть счастливы не потому, что они господствуют над другими существами, а потому, что они живут в гармонии с ними» [18, 43-44]. Жители Экотопии заботятся об устойчивости: численность ее населения не увеличивается, а даже несколько сокращается, природные системы охраняются и восстанавливаются, а ресурсы расходуются крайне бережно. Экотопийцы производят небольшие партии товаров, которые долговечны и легко ремонтируются, после использования могут перерабатываться или быстро разлагаться. Они отказались от автомобилей с бензиновыми двигателями в пользу электромобилей, велосипедов и пеших прогулок, пользуются исключительно экологически источниками энергии и технологиями. Основой экологической регуляции является моральное, а не государственное принуждение: так, если выясняется, что при производстве нарушаются экологические нормы, товар вносится общественными организациями в неформальный «черный список», после чего люди демонстрируют свои убеждения, добровольно отказываясь от его покупки. В целом, заключает Калленбах, для экотопийцев «самое большое значение имеет стремление жить в согласии с природой, “ступать по земле легко”, относиться к земле как к матери» [18, 29].

«Экотопия» оказала значительное влияние на экологическое движение конца XX века и дала имя поджанру утопической литературы (примерами которого являются произведения У. Ле Гуин, С. Лема, К. С. Робинсона и некоторых других авторов, частично представленных в сборнике «Первобытный человек будущего: новые экотопии» [20]). Впрочем, экотопии (как и утопии в целом) в XXI столетии оказались на периферийном положении; более востребованными в литературе и кинематографе оказались экологические антиутопии, обри-

совывающие будущее после глобального изменения климата, в ситуации перенаселения, загрязнения, и борьбу за жизнь на руинах цивилизации. Наконец, еще одним сюжетом для антиутопий стала реализация экотопий.

Развитие экотопических идей в политико-философском направлении представленном пионером природоохранного движения Мюрреем Букчином. Его «Экология свободы» (1982), так же, как и ряд других работ, посвященных социальной экологии, предлагает анархистское видение будущего и восходит к идеям Кропоткина и Морриса. По мнению Букчина, люди в будущем должны жить в малых децентрализованных экополисах, гармонично вписанных в природные экосистемы. Промышленность будет представлена небольшими предприятиями и основана на зеленых технологиях и рециркуляции отходов. Тем не менее, полагает Букчин, экологическая проблема не имеет сугубо технического решения. Ее корни следует искать в социальных отношениях, основанных на доминировании. Стремление человека господствовать над природой является следствием социального неравенства, поэтому к решению проблем с окружающей средой приведет лишь полное уничтожение отношений господства. Материальные и духовные противоречия будут преодолены, когда все противостоящие элементы окажутся связанными в единое экологическое целое, где каждая часть нуждается в другой: «Из этого преодоления прошлого может вырасти новое отношение между человеком и природой, в котором само общество, основываясь на принципах единства в многообразии, спонтанности и неиерархических связей, постигнет само себя как экосистему» [5, 4]. Для Букчина экотопия – это не желаемый, а единственно возможный вариант развития общества: его альтернативой является гибель человечества.

Если Букчина вдохновлял античный полис, то анархо-примитивисты отодвигают идеал экологического общества еще дальше – в первобытное состояние. В противовес социальной экологии они защищают идеи экологии «глубинной» (в духе этико-философской концепции Арне Несса). Джон Зерзан в работе «Первобытный человек будущего» (1994) выступает против культуры как таковой, утверждая, что организация жизни первобытных людей находилась на более высоком моральном уровне: они являлись «мирными, равноправными и здоровыми людьми, у которых было много свободного времени и отсутствовала половая дискриминация» [8, 42]. Техническое развитие разрушило эту идиллию и привело к бедности и голоду, истощению ресурсов и загрязнению окружающей среды. Сове-

менному человеку требуется «переворот в сознании» чтобы отказаться от достижений цивилизации и вернуться назад к природе.

Еще глубже в идеологию эоцентризма погружается «новый нонконформист» Герд Бергфлет. Он провидит масштабное восстание, субъектом которого на этот раз станет сама природа: «Всякий акт разрушения, направленный против природы, отрицательно скажется на разрушителе, поскольку он высвобождает такие силы разрушения, с которыми уже не может совладать. Таким образом, мы можем сказать, что дело идет ко всеобъемлющему мятежу природы, к мощному восстанию против человеческого гибриса делания и умения. Общий обвал производственной химеры запрограммирован, поскольку она сама послужит причиной этой последней битвы. И почти нет сомнений, кто в этой войне будет побежден: не природа, а агрессор, потому что – повторим это снова – ее поражение опять означает его смерть» [3, 4].

Для ряда эоцентристов, например для Джеймса Лавлока, считающего планету суперорганизмом, а человека – его частью, или для Эразима Кохака, рассматривающего человека как паразита на теле природы, такое восстание – это не просто демонтаж капитализма, а восстановление естественного состояния, нарушенного развитием человеком. Если экологический баланс (а не благо человека) становится важнейшей ценностью, то является морально оправданным устранение того, кто этот баланс нарушает – человека. Экологическая утопия доходит здесь до своего логического предела, после которого гуманизм становится постгуманизмом.

В целом, в истории экотопии отражено изменение художественных, идеологических, моральных установок, определяющих отношение общества к экологическим ценностям. Движение от классической утопии Нового времени к постутопии предполагает смену ракурса видения целей общественного развития и средств их достижения. После отрезвляющих событий XX века общество больше не склонно доверять обещаниям рая на земле, бездоказательным спекуляциям, нереалистичному и непрактичному идеализму, бескорыстному патернализму государства. В основном этим обусловлены базовые различия между экотопиями прошлого и современными образцами этого жанра.

Классические утопии описывают статичное общество, достигшее совершенства, конца истории. Оно не способно меняться, поскольку любые изменения обозначают отход от идеала. Так, И.А. Ефремов, изобразил в романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка» коммунистическое общество с временным промежутком в несколько сотен лет. Но за это время заметных качественных изменений в об-

щество не произошло, поскольку двигаться этому обществу некуда. У Э. Калленбаха Экотопия, напротив, показывается не в статике, а в развитии, постоянных поисках новых идей для улучшения отношений с природой. Примечательно, что следующим произведением Калленбаха в том же жанре стал роман «Возникновение Экотопии» (1981), описывающий процесс получения независимости и становления этого государства. Таким образом, *процесс* достижения результата в современных экотопиях оказывается важнее самого результата. Во многом это связано с тем, что будущее в них – это лишь ориентир для движения, но не его конечная точка.

Экотопии современности, как правило, представляют будущее общество, которое не является утопическим в классическом смысле этого слова. Оно намного лучше существующего, но далеко от совершенства и потому, собственно, и имеет возможность для дальнейшего развития. Элвин Тоффлер называет изображение такого *неидеального* общества «практопией». Это «не лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живём. В отличие от утопии в практопии есть место болезням, грязной политике и дурным манерам. В отличие от большинства утопий она не статична, словно застывшая в нереальном совершенстве. В то же время она не воплощает в себе некий воображаемый идеал прошлого. Но практопия – это не воплощение концентрированного зла, что характерно для антиутопии. В ней нет безжалостной антидемократичности, милитаризма. Она не обезличивает своих граждан, не нападает на соседей и не разрушает окружающую среду» [15, 181]. Действительно, экотопия в описаниях ее авторов сталкивается с множеством проблем, и ряд методов, которые используются для их решения, может вызывать вопросы. Но при всех явных или скрытых ее недостатках, это общество все же лучше того, которое нас окружает. По крайней мере, оно стремится к преодолению проблем и противоречий, тем самым продвигаясь ближе к экологическому идеалу.

Прикладная ориентированность экотопий выражается и в том, что на основе их образов возникают реальные сообщества, экспериментирующие с альтернативными нормами (пропагандирующие общую собственность, устойчивое земледелие, веганство и т.д.). Экотопии современности – это не столько фантазии, мечты, попытки сбежать от невыносимой действительности, сколько поиск работающих методов изменения отношения с природой и практик правильного взаимодействия с ней, ряд которых вполне можно взять на вооружение отдельным людям. Так, несмотря на утопический характер

идеала «Экотопии», почти все предложения Калленбаха практичны, более того, некоторые из них после выхода книги вошли в практику.

Наконец, неидеальность праптопии предполагает ее принципиальную *реализуемость*. Создание экологичной цивилизации – сложная, но посильная задача для общества. Если в момент появления первых произведений в этом жанре экотопия была по большей части фактом литературы, то сейчас она приобрела гуманитарно-научное измерение (в экологической философии, этике, социологии, педагогике и т.д.), а также воплотились в системе реальных природосберегающих практик, связанных с изменением индивидуальных привычек, созданием экообщин и экополисов. Реализация экотопии, как и любой другой утопии, проходит не без искажений, однако нельзя не признать, что у этого процесса имеются и положительные результаты.

Заключение

Любая система практических действий должна основываться на соответствующих ценностных предпосылках. Человек совершает природосберегающие действия не потому, что они реалистичны или практичны, и не потому, что имеет для этого технические возможности, а прежде всего потому, что считает это необходимым. Цивилизация должна выработать систему норм, ценностей и практических способов разрешения наиболее острых экологических и экономических проблем. По словам Тоффлера, нам необходима цивилизация, «стоящая перед лицом беспрецедентных в истории выборов и необходимостью выработки новых этических и моральных норм, на основе которых этот выбор можно осуществлять... демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой» [15, 181]. Достижение экотопического будущего предлагает *изменения в сознании*, в том числе часто довольно радикальные. Реализация экотопии требует новой, экологической этики.

В классических утопиях структура общества и система технологий создают такие условия, в которых у человека не остается пространства для неправильного (с точки зрения государства) выбора. В платоновском государстве у тирана нет шансов на захват власти, поскольку социальная структура выстроена так, чтобы власть могли получать исключительно философы. В коммунистическом завтра И.А. Ефремова человек с подобными склонностями на самых ранних этапах будет выявлен и подвергнется трансформации службой психологического контроля. В современных же экотопиях человек, как правило, не скован условиями и совершает действия лишь из-за убежденности в их правильности. Иными словами, классическая утопия устойчива потому, что все идет по заранее продуманному ее

творцом шаблоном, и у людей нет возможности выйти за рамки предписанных действий. Экотопия сегодняшнего дня справедливо усматривает в этом опасность фундаментализма и подавления индивидуальной свободы. Поэтому она больше опирается на *добрую волю* граждан, которые каждым своим действием самостоятельно творят лучшее общество. Без их каждодневных усилий это общество перестанет быть хорошим. Собственно, по этой причине экотопия и представляет не окончательное решение экологической проблемы, а только действия по ее решению, не запрограммированный результат, а продолжающийся процесс.

Стремление к лучшей жизни в классической утопии и экотопии понимается по-разному. В первом случае слово «лучшая» предполагает материальное благополучие. Будущее обычно рисовалось классическими утопистами как состояние изобилия, в котором побеждены бедность, голод, неудовлетворенность. В утопиях Т. Мора и К. Маркса, В. И. Вернадского и И. А. Ефремова каждый человек обеспечен всем необходимым для нормальной жизни. В экотопии «лучшая» жизнь понимается как более правильная с моральной точки зрения жизнь. Экотопия не обещает удовлетворения всех потребностей и совершенной справедливости. Напротив, часто она требует ограничить свои потребности и довольствоваться малым, отказаться от самой ценности изобилия как ложной. Экотопия позиционируется как будущее, которое необходимо строить не для того, чтобы жить лучше в материальном плане, а для того, чтобы общество выжило. Поэтому в качестве альтернативных утопистами рисуются картины традиционной жизни. М. Букчин пишет «Экология поставила нас перед серьезным выбором: принять кажущиеся “утопическими” решения, основанные на децентрализации и новом балансе с природой и гармонизации социальных связей, или мы столкнемся с весьма реальным распадом материальной и естественной базы человеческой жизни на планете» [5, 4]. Таким образом, фундаментальной становится не мечта о всеобщем счастье, а ценность *выживания*. В этом смысле этика будущего воспроизводит на новом уровне этику доиндустриального, традиционного общества.

В целом, формирующаяся экологическая этика – это интегральная часть экотопического проекта. Перед ней стоит задача изменения морального сознания человечества, при котором на центральное место в системе ценностей могла бы выйти ценность выживания, а не материального успеха. Она больше не призывает общество к идеалу всеобщего счастья, а довольствуется менее амбициозной целью – сохранить условия для устойчивого существования человека в будущем. Достижение этой цели является не просто желаемым,

но жизненно необходимым и реализуемым. Если расчеты большинства экологов верны, нам остается либо переосмысливать систему ценностей и приступать к осуществлению экотопии, либо продолжать привычный образ жизни в ожидании «восстания природы».

Список литературы

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002. 256 с.
3. Бергфлет Г. Горизонты антиэкономики // Вторжение. 2000. № 3. С.4.
4. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1951. 166 с.
5. Букчин М. Экотопия // Газета саратовских анархистов. 1990, сентябрь. №5, С.4.
6. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
7. Ефремов И.А. Туманность Андромеды: Фантастические произведения. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
8. Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. М.: Гилея, 2007. 223 с.
9. Йонас Г. Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
10. Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские. М.: Посредник, 1908. 220 с.
11. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. 416 с.
12. Моррис У. Вести ниоткуда, или эпоха спокойствия. М.: ГИХЛ, 1962. 314 с.
13. Одоевский В. Ф. 4338-й год // Русская фантастическая проза XIX начала XX века. М.: Правда, 1986. С. 121-154.
14. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Наука, 1979. 456 с.
15. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 262 с.
16. Хаксли О. Остров. М.: АСТ, 2015. 213 с.
17. Чернышевский Н.Г. Что делать? Л.: Наука, 1975. 250 с.
18. Callenbach E. Ecotopia. Berkeley: Banyan Tree Books, 2004. 172 p.
19. Carson R. Silent Spring. Boston: Houghton Mifflin Company, 2002. 400 p.
20. Future Primitive: The New Ecotopias // ed. by K.S. Robinson. NY.: Tor Books, 1994. 352 p.

